

В. И. Беликов, Л. П. Крысин

Социолингвистика

*Рекомендовано НМС по филологии
УМО университетов РФ
в качестве учебника*

Москва
2001

УДК 81'27
ББК 81
Б 43

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Российского
государственного гуманитарного университета

Г. Е. Крейдлин,

д-р филол. наук, проф. Московского
государственного педагогического университета

А. Д. Шмелёв

Художник М.К. Гуров

Учебная литература по гуманитарным
и социальным дисциплинам
для высшей школы и средних
специальных учебных заведений
подготовлена при содействии Института
"Открытое общество" (фонд Сороса)
в рамках программы "Высшее образование"

ISBN 5-7281-0345-6

© Беликов В. И., 2001

© Крысин Л. П., 2001

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2001

ВВЕДЕНИЕ

ЧТО ИЗУЧАЕТ СОЦИОЛИНГВИСТИКА?

Один пятилетний мальчик, сын продавщицы из магазина "Одежда", как-то сказал:

– Я всех люблю одинаково, а мамочку *на один номер больше*.

А другой, у которого отец был писатель и постоянно обсуждал в семье издательские дела, попросил:

– Папа, скажи *редактору* этой *карусели* – нельзя ли мне наконец покататься!

Это примеры из бессмертной книги Корнея Чуковского "От двух до пяти". Они свидетельствуют: профессиональные занятия родителей и связанная с этими занятиями терминология влияют на речь детей. Речевые особенности других взрослых тоже могут влиять на речь ребенка. В одной семье нянька, нанятая для воспитания сына, отличалась ярким диалектным выговором: она произносила *идёшь, вдуть, чаво, колидор, ейный, в пальте*. После нескольких месяцев общения с ней и воспитанник ее стал говорить так же (потом пришлось его переучивать).

Описанные ситуации – подтверждение некоей общей закономерности: среда, в которой живет человек, влияет на его речевые навыки. Наиболее податлив к такому влиянию ребенок. Но и взрослые усваивают, часто неосознанно, языковые особенности окружающих – членов семьи, друзей, сослуживцев.

Различные воздействия социальной среды на язык и на речевое поведение людей и изучает социалингвистика. "Чистая", или "просто" лингвистика, анализирует языковой знак сам по себе: его звуковую и письменную форму, его значение, сочетаемость с другими знаками, его изменения во времени. Социалингвистика делает упор на то, как используют языковой знак люди, – все одинаково или по-разному, в зависимости от своего возраста, пола, социального положения, уровня и характера образования, от уровня общей культуры и т.п.?

Чтобы различие в задачах, стоящих перед социо- и "просто" лингвистикой, стало наглядным, рассмотрим примеры. Возьмем хорошо известное каждому говорящему по-русски слово *добыча*. Описывая его с точки зрения "чистой" лингвистики, надо указать следующее: существительное женского рода, I склонения, неодушевленное, в форме множественного числа не употребляющееся, трехсложное, с ударением на втором слоге во всех падежных формах, обозначает действие по глаголу *добывать* (*добыча угля*) или результат действия (*Добыча составила тысячу тонн* или, в другом значении: *Охотники вернулись с богатой добычей*).

Социалингвист отметит еще такие свойства этого существительного: в языке горняков оно имеет ударение на первом слоге: *добыча* и употребляется как в единственном, так и во множественном числе: *несколько добыч*.

Другой пример.

В языке моряков словом *конец* называют канат. Социолингвист, изучающий подобные факты, не пройдет мимо такого комментария к слову *конец*, который приводит в воспоминаниях о Борисе Житкове К. Чуковский. Чуковский и Житков (дело было во времена их молодости, в Одессе) вдвоем оказались в бушующем море на утлой лодчонке, и ветер погнал их лодку на волнорез. «Житков с изумительным присутствием духа прыгнул с лодки на мол, на его покатую, мокрую, скользкую стену и вскарабкался на самый гребень. Оттуда он закричал мне:

– Конец!

"Конец" – по-морскому канат. Житков требовал, чтобы я кинул ему веревку, что лежала свернутой в кольцо на носу, но так как в морском лексиконе я был еще очень нетверд, я понял слово "конец" в его общем значении и завопил от предсмертной тоски..." (К. Чуковский. "Современники").

Подобные различия могут обуславливаться не только профессией, но и, например, характером образования: одно дело – "технар", человек, окончивший технический институт, и другое – "гуманитарий", скажем, филолог или историк. У них разные языковые склонности, разные речевые пристрастия и навыки. В современном русском обществе, например, речь технической интеллигенции в большей степени, чем речь интеллигенции гуманитарной, подвержена влиянию жаргона: в ней не редкость слова и выражения типа *клёво*, *доходяга*, *лопухнуться*, *лажа*, *стоять на ушах*, *наезжать на кого-либо*, *качать права* и т. п.

Люди одной профессии или одного узкого круга общения нередко образуют довольно замкнутые группы, которые вырабатывают свой язык. В старину был известен жаргон офеней – бродячих торговцев, которые своей непонятной непосвященным манерой речи как бы отгораживались от остального мира, сохраняя втайне секреты своего промысла. В наше время язык программистов и всех тех, кто профессионально имеет дело с компьютером, также превратился в своеобразный жаргон: монитор у них именуется *глазом*, диски – *блинами*, пользователь – *юзером* и т. п.

Элементы таких жаргонов – слова, обороты, синтаксические конструкции, особенности произношения и словоизменения – играют роль не только средств, передающих информацию, но и своеобразных символов: по ним опознается свой для данной группы человек, а по их отсутствию – "чужак". Изучение групповых языков, речевого поведения человека как члена определенной группы – прямое дело социолингвистики.

В каждом языке есть различные формы обращения к собеседнику. В русском языке две основные формы: на "ты" и на "вы". К незнакомому или мало знакомому взрослому надо обращаться на "вы" (так же – к старшим по возрасту, даже и знакомым), а обращение на "ты" – знак более близких, сердечных отношений. Изучение социальных условий, влияющих на выбор форм личного обращения (и, кроме того, приветствий, извинений, просьб, прощания и т. п.), – также область интересов социолингвистики. Русский речевой этикет – лишь один, причем сравнительно простой, пример из этой области. В других языках,

например в японском и корейском, существуют гораздо более сложные правила вежливого обращения к собеседнику (о некоторых из них мы расскажем в основной части нашей книги).

Разные ситуации общения требуют использования разных языковых средств. Это хорошо понимали задолго до рождения социолингвистики. А. С. Пушкин писал: "В обществе вы локтем задели соседа вашего, вы извиняетесь, — очень хорошо. Но, гуляя в толпе под качелями, толкнули лавочника — вы не скажете ему: *mille pardons!* Вы зовете извозчика — и говорите ему: *пошел в Коломну*, а не — *сделайте одолжение, потрудитесь свезти в Коломну*".

По наблюдениям одного учителя, до революции на Дону дети в школе употребляли наречие *здесь*, дома же надо было говорить *тут*: *здесь* воспринималось коренными носителями донского говора как городское, чужое, в отличие от своего *тут*.

Это примеры речевых различий в зависимости от условий общения. Но в каждой ситуации человек может занимать разную позицию: быть собеседником "на равных" или чувствовать свое превосходство над партнером по коммуникации (либо, напротив, свою подчиненность ему). Общаясь друг с другом, люди как бы исполняют разные роли: отца, мужа, сына (в семье), начальника, подчиненного, сослуживца (в служебной обстановке), пассажира и кондуктора, покупателя и продавца, врача и пациента и т. п. Тип роли обуславливает характер речи и речевого поведения: с отцом говорят не так, как со сверстником, с преподавателем в вузе — иначе, чем с продавцом, повелительные конструкции в устах врача естественны, когда он исполняет свою служебную роль (*Дышите! Задержите дыхание! Разденьтесь!*), и неуместны, когда он, например, едет в автобусе, и т. д.

Представление о том, в каких ситуациях, при исполнении каких ролей каким языком надо говорить, формируется по мере того, как ребенок постепенно превращается во взрослого. Этот процесс называется языковой социализацией (подробнее о нем см. в главе 3), т. е. языковым "вхождением" в данное общество. И его изучает социолингвистика.

Есть общества (государства, страны, области и территории), где используется не один язык, а два или несколько. Часто один из них — государственный и в этом смысле общеобязательный: если ты хочешь нормально жить в этом обществе, общаясь с другими людьми, с властью, продвигаясь по социальной лестнице, изволь знать государственный язык. Другие существующие в данном обществе языки — это обычно родные языки людей, объединенных в те или иные этнические группы или составляющих целые народы (таково положение, например, во многих странах современной Африки). Функционируя в тесном соседстве друг с другом, разные языки, обслуживающие то или иное сообщество, могут смешиваться, приобретать разного рода промежуточные формы: пиджины, креольские языки (см. о них в главе 2). В процессе образования и функционирования подобных языков социолингвистику интересуют социальные и ситуативные условия, в которых они используются и взаимодействуют друг с другом.

Социолингвисты ставят перед собой и такую задачу: регулировать разви-